

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Про завод. Эпизод третий: Лом

История эта произошла в цехе задолго, лет за тринадцать, до того, как я пришёл на завод. Как притча, она рассказывалась каждому: от уборщицы, до начальника цеха.

Не минула и меня.

В тот год я уволился из НИИ и искал работу.

Искал недолго и через неделю, уже работал в инструментальном цехе, начальником техбюро. В моём подчинении было восемь технологов, конструктор, табельщица, архивариус и две кладовщицы.

Итого, тринадцать женщин!

Надо мной, в цехе, было три начальника: начальник цеха и два зама; по производству и по технике.

Зам. по производству и рассказал эту историю, почти что притчу.

Я сидел за своим столом.

Мой стол у двери в техбюро. Техбюро на третьем этаже корпуса, в котором, на первом этаже и был цех. В корпусе был отдел ИНО (инструментальный, в состав которого входили три цеха, мой в том числе, и заготовительное производство), ещё два цеховых бюро (БТЗ* и ПДБ*), термичка и кладовые.

Я просматривал чертежи изделий, поступившие из ОГК*.

«Таак, раскатники... « — я отложил чертежи, их было три; на резьбу от М4 до М6 — «Что-то говорил о раскатниках зам. по производству?».

С чертежами я подошёл к Клавдии Васильевне.

Клавдия Васильевна, самая старшая по возрасту в техбюро, и самый опытный технолог. Да и раскатники — это изделие её участка, в том смысле, что она была технологом по режущему инструменту.

В цехе было четыре участка: режущего инструмента (от свёрл до шевер-хона, который мы так и не запустили), твёрдого сплава, мерительного инструмента (в основном пробки и скобы) и оснастки.

— Клавдия Васильевна — я положил на стол чертежи — А почему мы их не запускаем?

Клавдия Васильевна сняла очки и взяла чертежи

— Георгий Владимирович! — с возмущением (!) — Да не сможем мы их изготовить! У нас нет ни станков для такой точности, ни оснастки. Да вы! — она встала — Вы подойдите к Владимиру Павловичу, он вам всё объяснит.

— Ну хорошо! — я пожал плечами — Подойду

— Нет! — она уже возбудилась (!) — Георгий Владимирович, вы чертежи возьмите, а то потом будете с меня техпроцесс спрашивать!

Взяв чертежи, и поймав взгляд Мальковой с улыбкой полупрезрительной снисходительности, вышел из техбюро и спустился в цех.

Я не сделал и двух шагов, обводя взглядом цех, как меня подхватила под руку начальник ОТК* и потянула — Пойдём-ка, рассудишь нас.

В лаборатории, контролёр, седой и пожилой мужчина (уже, наверное, лет восемь, как на пенсии, в прошлом году вернувшийся из Израиля, что-то не зажилось ему там) рассказывал Мельнику про Стену Плача, но, увидев меня, рассказ оборвал и шагнул к столу с электронным

микроскопом.

— Георгий Владимирович! — Мельник улыбался, но, по тому, как он отклонил голову вправо, я понял: на взводе!

— Ты то нам и нужен!

— Так! — Надежда перебила Мельника — Я сама объясню! У него партия твёрдосплавных заготовок, сто пятьдесят штук, которые для Риги — она глянула на мастера — Не соответствует ГОСТ...

— Да выбросьте вы этот ГОСТ! — не вытерпел Мельник — Хорошие заготовки! И замес был качественный, и прессовка, и пеклось без нарушений режима. Отличные будут свёрла!

— Отличные или нет, но заготовки ГОСТу не соответствуют, а значит брак! — поставила точку Надежда и Мельник, махнув рукой и чертыхаясь, выскочил из лаборатории.

— Ннда! — контролёр взял из коробочки заготовку, цилиндр из твёрдого сплава, диаметром три с половиной и длиной сорок миллиметров — Я вот пробовал сломать, но они очень прочные! — он вернул заготовку в коробочку — Не похоже на брак

— Михал Осипович! — одёрнула начальница — Ты ещё при Мельнике это скажи, да! Ну, что делать то будем? — она уставилась на меня.

— «Что делать? Что делать? Я откуда знаю!»

— А в чём отличие от ГОСТа? — спросил я вслух

— Срез не соответствует ГОСТ. Да сам посмотри! — она кивнула на микроскоп и, взяв со стола ГОСТ, ткнула пальчиком в рисунок.

На рисунке было фото шлифованного и травленного среза твёрдосплавной заготовки с увеличением в 5000 раз.

Я прочёл текст под рисунком: форма зёрен графита и площадь включений графита в процентном отношении к общей площади среза.

— А теперь глянь, какой вид имеет срез на заготовке и сравни

Я склонился к окуляру, но ничего не увидел — Не видно ничего!

— Ну ка? — она склонилась к окуляру — Михал Осипович, ты крутил?

Контролёр не ответил, только пожал плечами

— Сдвинули! Вот, смотри!

Я снова глянул в окуляр: действительно, и сами зёрна графита были очень маленькие по размерам, едва заметные, и число включений было незначительно.

Я ещё раз посмотрел рисунок в ГОСТе: разница была очень существенная.

— Какой сплав?

— ВК6ОМ! — Надежда, упрямо поджав губы, смотрела на меня так, будто ожидала, что я сейчас же и вынесу вердикт.

— Ладно, ты пока не бракуй партию (промелькнула мысль, но я не успел зацепиться), что-нибудь придумаю

— Что?! — усмехнулась она — Ну ладно, подожду

Я направился к двери

— Но ты не затягивай!

Я ничего не ответил — «Сначала разберусь с раскатниками»

Зама по производству искать не пришлось, он сам шёл навстречу.

Подхватив меня под руку потянул к ОТК — Ты уже знаешь?

— Про брак у Мельника?

— Да! — Владимир Павлович поморщился

— Да только что говорил с нею

— Что думаешь делать? — он остановился

— Пока не знаю — я пожал плечами

— Ты, вот что, напиши служебную главному технологу, так мол и так, смесь новая, ГОСТа на неё ещё нет, а ОТК сравнивает срез по ГОСТу на другую смесь. ГОСТ то на ВК6М, а у нас ВК60М...

— И чё? Владимир Павлович!

— Как чё?! — загорячился он и набычился, словно перед ним стоял не я, а главный технолог

— Пусть даёт добро на экспериментальную партию, пусть договариваются с Ригой, пусть пишут письмо в Госстандарт! — он перевёл дух — А то на нас всё свесили!

— Палыч! — к нам подошёл мастер четвёртого участка Насонов

— Ну что тебе!! — зам. не успел остыть

Мастер хотел обидеться, но из лаборатории ОТК вышла Надежда — Ты идёшь на обед? — увидев Насонова, спросила она

Начальник ОТК и мастер четвёртого участка флиртовали: Надежда была одинока, а вот у Насонова семья...

— Сейчас, покури пока! — Насонов улыбнулся Надежде

— Что у тебя? — зам. глянул на часы — А то мож после обеда?

— Да вот! — Насонов сунул заму чертёж — Фасонный резец. Начальник его требует, а у меня кальки профиля нет. Опять Клавдия Васильевна просмотрела?

— На! — зам. сунул чертёж мне — Разберись! Мы на обед!

Они пошли к выходу, а я вернулся в техбюро.

У стола Мальковой, рыдавшей взахлёб, собрались все мои подчинённые.

Клавдия Васильевна гладила Малькову по голове, держа в левой руке очки. Остальные бабёнки жалостливо смотрели и перешёптывались.

Все уставились на меня и только Малькова, уронив голову на стол, продолжала всхлипывать. Не переносу женской истерики!

Много лет спустя, я понял, что тогда было больше игры, чем настоящей обиды от незаслуженного, по мнению обиженной, оскорбления.

— Что случилось?

Малькова порывисто встала, и закрывая платочком лицо, и всхлипывая, выбежала из комнаты!

Бабёнки разошлись к своим столам и продолжили прерванный обед, а Клавдия Васильевна кратко изложила суть

— Опять он на неё наорал!

И пошла к остывающему, на столе, супу в тарелке.

Я глянул на часы: до конца обеда осталось пятнадцать минут.

— «После!»

Положил на стол чертежи и пошёл в столовую.

Малькова ревела из-за расточника: станочника Дегтярёва, работавшего на координатно-расточном станке.

Придирался Дегтярёв к техпроцессу, когда, по его мнению, операция была расписана, либо слишком кратко, либо вообще неправильно, опять же, с его точки зрения.

Наткнувшись на такой техпроцесс, и внимательно изучив описание операции — расточная — выключал станок, шлёпал техпроцесс на тумбочку и ждал, пока в комнату (расточные станки стояли в отдельном помещении цеха) не заскочит мастер участка, которому срррочно (!) нужна была эта деталь. Деталь находилась в аварийной позиции: на каждом утреннем совещании начальник цеха чуть ли не вытрясывал её из мастера.

А посему, через пару минут, в комнату заскочил мастер и к Дегтярёву — Ты чё, куришь?! Почему не делаешь? — и тычет в заготовку, зажатую в поворотном столе на станке.

— А потомуу! — Дегтярёв прихлопывает листок техпроцесса и двигает мастеру — Что здесь написан полный бред!

— Кто писал? Людмила? — мастер переворачивает листок — Малькова. Опять!

— Вызывай её сюда! — Дегтярёв выхватывает техпроцесс из рук мастера, шагнувшего, было, от тумбочки.

— Да ладно тебе, Николай, доведёшь бабёнку до слёз, месячные придут раньше!

Мастер пытается уладить конфликт полюбовно, но шутка пропущена мимо ушей

— Вызывай! Или я пойду к начальнику цеха! Пусть он разбирается!

— Не с той ноги ты сегодня встал, что ли? — бурчит мастер и выходит.

После обеда, едва я успел зайти и сесть за свой стол, в техбюро ворвался Владимир Павлович. Зам был невысокого роста, такой кубышка: не толстый, но плотненький. И шустрый, как электровеник!

И сходу ко мне — Ты разобрался?

— С чем? Владимир Павлович?

— Как с чем? — возмутился зам и наклонив голову, сунул левую руку в карман пиджака, а правой опёрся о мой стол

— Свёрла или резец? — уточнил я

— Резец, конечно! — он пожал плечами и обвёл взглядом техбюро — Ну и свёрла тоже!

— Какой резец? — насторожилась Клавдия Васильевна

— Вот этот! — зам хватанул чертёж со стола

Клавдия Васильевна подошла и, сняв очки, взяла чертёж, и удивлённо уставилась на зама — Я давно отдала техпроцесс, Владимир Павлович!

— А калька где?

— А Лена разве не сделала? Елена Дмитриевна! — повернулась она к конструктору за кульманом

Елена Дмитриевна довела линию на чертеже — Что, Клавдия Васильевна?

— Я тебе вчера отдала копию вот этого чертежа — она подошла к столу конструктора

— Да вот же он! Ты сделала кальку?

— Я же не могу разорваться! — Елена Дмитриевна была почти одного возраста с Клавдией Васильевной. Всегда с улыбкой на полноватых, и смачно покрашенных яркой помадой, губах. Всегда в одном настроении: этакая весёлая задумчивость.

Но, иногда, и она злилась.

Было, как раз, иногда!

— Владимир Павлович, ты же сам вчера сказал — Всё отложи и сделай чертёж приспособы на первый участок!

Владимир Павлович, начиная сердиться, вытащил руку из кармана и подошёл к конструктору — Елена Дмитриевна, чтобы сделать кальку, вам достаточно десяти минут!

Зам обвёл взглядом технологов, словно ожидая, что они сейчас хором подтвердят — Ну конечно же! Десять минут! — и уставился на Елену Дмитриевну

— Да что вы говорите! — Елена Дмитриевна швырнула карандаш на стол и он, докатившись до кромки, упал на пол — Ну так сделайте за десять минут!

Клавдия Васильевна наклонилась и подняла карандаш.

Владимир Павлович завёлся — Я не конструктор, во-первых! У меня своей работы, во! — он чиркнул по горлу — Начальник техбюро!

Я встал

— Ты почему не отслеживаешь аварийные позиции? Я же не могу за всем уследить и делать всю работу за вас!

— Владимир Павлович! — Елена Дмитриевна уже успокоилась и улыбалась — Владимир Павлович! — она шагнула из-за стола и уцепилась за пуговку его пиджака — Не нападай на него. Я сделаю. Через полчаса.

Зам мгновенно остыл — Через полчаса калька должна быть на оптикошлифовке! Я засёк время! — глянул на часы и улыбнулся.

— Что у тебя? — он подошёл к Мальковой

— Вот — Малькова подала техпроцесс — Опять орал на весь цех! — и захлопала.

Владимир Павлович взял техпроцесс, вздохнул — Ну что тут? Кто писал? — и перевернул листок — А где оригинал? Здесь подпись того, кто переписывал. А кто писал? Людмила? Людмила, была в отпуске.

— Я не знаю! — Малькова вытерла платочком глаза и высморкалась — Уже больше месяца прошло. Я не помню.

— Ну давай посмотрим. Где техпроцесс?

Малькова подошла к стеллажам и отыскала папку — Вот!

Владимир Павлович раскрыл папку и взял техпроцесс. Пробежался по тексту, перевернул и хлопнул листок на стол — Это он писал! Как раз, был на лёгком труде в техбюро! После операции. Сама пойдёшь?

Малькова замотала головой и опять хлопнула — Не пойду я туда.

— Ну я сам! Мне, как раз, по пути.

Зам тронул Малькову за плечо — Хватит нюнить! Могла бы, и сама с ним разобраться, и носом натывать!

Малькова хлопнула и заулыбалась.

Зам спустился в цех, зашёл в комнату к расточникам и подошёл к тумбочке Дегтярёва.

— На! — он положил техпроцесс на тумбочку и прижал палец к подписи внизу — Кто писал? Дегтярёв вытер руки и взял техпроцесс...

— Ну ты разбирайся! — Владимир Павлович подмигнул второму станочнику — Будут вопросы, подходи!

Когда зам вышел, Клавдия Васильевна спохватилась — Ой, а что за свёрла, Георгий Владимирович?

— Твёрдый сплав

— Аааа! Ну это к Любе.

— Это которые Надежда не пропускает? — подошла к моему столу Люба

— Я отслеживала процесс полностью. Нарушений на участке не было. Замес качественный. Прессовка выполнена правильно. Спекли тоже по технологии. Может правда, написать

служебную в ОГТ?

Я пытался вспомнить, что промелькнуло, когда меня перехватил в цехе зам.

— Георгий Владимирович

Люба смотрела на меня и улыбалась

— Люба, я напишу. Сам напишу.

Я встал — Схожу в библиотеку ОГТ. Если будут спрашивать. Клавдия Васильевна!

— Почему я? Георгий Владимирович!

— Я по раскатникам.

— Аа! Ну ладно.

Я вышел из техбюро, а следом Елена Дмитриевна

— Падаажди!

Подошла ко мне вплотную и ещё приблизила лицо — Ты знаешь, почему он на меня такой злой?

— Да он не злой. Просто иногда заводится

— Да не злой! Не злой! Он на меня обижен! А знаешь, за что?

— Не знаю — я попытался отстраниться, но Елена Дмитриевна стала поправлять воротничок на моей рубашке и удержала

— Я не дала ему по молодости!

Она, с самого начала, как я пришёл, обращалась ко мне на ты. И говорила, совершенно не стесняясь!

— Нет, ну ты подумай! У него молодая жена, дочка маленькая, а он увивается вокруг меня. Я и послала! — она отпустила мой воротничок — Ладно! Ты куда-то торопишься? Иди!

...

Он снился ей. Уже три раза. И, все три раза, она занималась с ним любовью. Во сне. Это смущало её. Ведь она, об этом, не думала.

...

Наталья Викторовна встретила в цехе.

— Георгий Владимирович, а я к вам!

— Я в ОГТ, в библиотеку. Что-то срочное?

— На седьмое три дня выходных. По заводу будет дежурство. Вы, как начальник техбюро, тоже в списке. Какой день выбираете?

— Сутки или двенадцать часов?

— Двенадцать. Можете выбрать время: в ночь или днём.

— Дежурство в цехе?

— Да

— Тогда седьмого, в ночь.

Она смотрела на меня и улыбалась. Глазами. И от этого я терялся: кажется, или правда?

В библиотеке я нашёл книжку по раскатникам и когда просматривал карточки в каталоге, наткнулся ещё на одну, по технологии порошковой металлургии. Взял и её, и полистал. И нашёл, то, что ускользало: чем меньше содержание графита в сплаве, тем он качественнее!

Я вернулся в цех и встретил Наталью Викторовну.

— Ты чем-то озабочен?

Меня это смущало: она обращалась ко мне то на вы, то на ты. А я не мог, почему-то, тыкать ей!

Я, действительно, обдумывал, что писать в служебной по свёрлам.

Рассказал ей о том, что вычитал в книге и о своих сомнениях насчёт служебной.

— Можно оформить рацпредложение. ГОСТа нет на сплав?

— Нет!

— Оформляй, и к главному технологу со служебной.

...

Шестое ноября пришлось на пятницу.

На планёрке, с утра, начальник цеха, глянув на часы — Сегодня по-быстрому! Мне полдевятого к главному. С резцом, что? — он смотрел на Насонова

— Уже отправили!

— В тридцать седьмой?

— Да!

— Хорошо! — начальник сделал пометку в журнале — Свёрла! Мельник?

— Решили проблему!

— Служебную?

— Рацуху! Ну да, и служебную тоже.

— Рацуху?

— Да, Георгий Владимирович оформил, и приложил к служебной.

— А Надежда Ивановна, подписала?

— Подписала! — поджав губы ответила Надежда — Тебе повезло! — бросила она Мельнику — Что начальник техбюро грамотный. А то бы был брак!

— Да у тебя всё брак! — не сдержался Мельник

— Тихо! — хлопнул ладонью начальник — Идея с рацпредложением твоя?

— Наталья Викторовна посоветовала — ответил я

— Да, мы так уже делали — Наталья Викторовна закрыла свою тетрадь — Когда я в термичке работала.

— Хорошо! — сделал он ещё одну пометку — Ну а с раскатниками?

— Я написал служебную главному конструктору и с Уваровой поговорил. Она забрала чертежи, будет корректировать.

— Допуски?

— Да. В десять раз завышены.

— И она согласилась?

— Да.

— Палыч! — начальник смотрел на зама по производству — Ты два года отбивался от них, а он пришёл и всё решил!

— Достойная смена! — разулыбался Владимир Павлович.

— Все свободны! — начальник захлопнул журнал — Да! По дежурству! Наталья Викторовна?

— Вот! — она подтолкнула листочек с фамилиями

Начальник пробежал глазами список — А вы?

— Я по заводу. Восьмого, с утра.

— Ах да, вы же в комиссии. Всё! Я побежал!

В самом начале девяностых, седьмое ноября уже не был таким одиозным праздником, как в застойные. В цехе не отмечали.

Я приехал на завод без пятнадцати восемь.

Было темно, лежал снег.

Подошёл к цеховым, распашным воротам и позвонил.

Дверца открылась сразу, как будто ждали.

Минут пять мы постояли с Насоновым на улице, и он ушёл.

Я закрыл дверцу на задвижку и прошёлся по цеху.

Дежурное освещение. Тишина.

Зашёл в термичку, постоял и пошёл в техбюро на третий этаж.

Сдвинул три стола и лёг, завернувшись в телогрейку.

Спать не хотелось, и я вспомнил сон, приснившийся накануне.

Приснилась Наталья Викторовна. Мы были с ней в какой-то клетушке, огороженной сеткой-рабицей. Мы лежали на полу, и я был на ней! Она закрывала глаза и отворачивалась, а я пытался овладеть ею! Она не противилась, но я не мог проникнуть в её лоно! Вагина была узкая и неглубокая, и мой член не входил! Мы катались по полу клетушки, стискивая друг друга в объятиях, она целовалась в засос, но совокупится так и не смогли! Так я и проснулся! И теперь, лёжа на столах, в техбюро, и вспоминая сон, я понял, что это её желание.

Мне приснилось её желание!

Да! Она мне нравилась. Но Наталья Викторовна была замужем и у меня семья. И мыслей, сексуального характера, на её счёт, у меня не возникало.

Я глянул время — Ого! Уже пол-одиннадцатого!

Спать не хотелось, и я встал.

Спустился вниз и прошёлся по цеху. Подошёл к воротам, открыл дверцу и вышел на улицу. Стареющая луна. Тускло поблёскивающий снег.

Кто-то шёл от угла седьмого корпуса. Поскрипывал снег. Я хотел зайти, но приглядевшись, узнал её.

— Наталья Викторовна?

Она подошла. В пальто, в сапогах.

— Доброй ночи!

— У вас же завтра дежурство!

— Да, завтра. Но меня вызвали. Полчаса назад позвонили. Плохо стало дежурному. На скорой увезли.

По блеску глаз, я понял, что она выпила.

— Вина выпила. Хорошо хоть немного. Оказалось, что самая трезвая. Вот, решила проверить. Каждые два часа обход надо делать. Давай зайдём! — она поёжилась.

Мы зашли, и я закрыл дверцу на задвижку.

— Ты в техбюро?

— Да. Столы сдвинул. Но что-то не спится.

— У меня есть ключ от служебки в термичке. Там лежак. Да и теплее, чем в техбюро.

Она вытащила из кармана пальто связку ключей

— Вот этот. Ты сам сними с кольца, а то я ногти обломаю.

Я снимал ключ, вращая по виткам кольца.

— А ты трезвый!

Я пожал плечами и отдал ей связку.

— У меня там спирт есть. Может выпьем понемногу, по случаю праздника? Ты взял что-нибудь на ужин?

— Бутерброды с колбасой

— Неси! Я пока открою

Она держала меня за руку и улыбалась — Ключ!

Я сбегал наверх и вернулся со своей закуской.

Наталья Викторовна сидела на стуле. Пальто висело на крючке.

На столе стояла алюминиевая кружка, графин с водой и трёхлитровая канистра.

Я сел на лежак и положил на стол бутерброды.

— Кружка одна! Ты не догадался захватить стакан из техбюро. Да не надо! Не ходи! Налей спирт. На четверть. И разбавь водой из графина.

Я налил и разбавил.

— Пей! Мне оставь немного

Я втянул воздух. Выдохнул, и сделал глоток, и ещё! Отдал ей кружку, занюхал бутербродом и откусил.

Она выпила в четыре глотка. Поставила кружку и взяла бутерброд.

Внутри растекалось тепло и, почему-то, сразу стало весело!

Наталья глянула на часы — Немного посижу с тобой и пойду. Ты мне приснился! Трижды!

Я хмелел, но не готов был откровенничать и промолчал.

Она положила недоеденный бутерброд — Давай ещё немного. Половинку.

Я налил спирт и разбавил.

— Пей! Мне оставь глоток!

Я сделал два глотка и отдал кружку.

Она выпила и обтёрла губы ладонью.

Мы, молча, доели бутерброды.

— Мне жарко!

Наталья встала и повернулась ко мне спиной — Расстегни!

Спирт одурманил и я, даже не удивившись, расстегнул замок на её платье.

Она стянула платье с плеч, и оно соскользнуло на пол.

Я пьяно улыбался и таращился на Наталью.

Она стояла передо мной в лифчике, трусах и сапогах!

— Тебе не жарко?

— Жарко! — мотнул я головой и тоже разделся.

Мы сидели друг против друга: она на стуле, я на лежаке и улыбались.

— А чё ты плавки не снял?

— А чё ты трусы не сняла?

— А я снимаю! — и она, стала стягивать трусы, не вставая со стула.

Я, также, не вставая с лежака, снял плавки.

— Ну вот! Теперь ты голый, а я ещё... — Наталья стянула лямки лифчика с плеч, провернула его и расстегнула — Ааа! Сапоги! Сними!

Я встал на колени и, упираясь ладонью левой руки в её ноги, стянул, попеременно, сапоги.

И лишь сняв с неё сапоги, я увидел, как близко моя рука с... к...

Я щупал её, стоя на коленях!

Она встала и потянула меня на лежак.

Всё, молча!

— Подожди! — упёрлась она руками в мою грудь — Он бил меня несколько раз! Не избивал!

Бил! Пьяный! Когда пьяный, начинает ревновать. Я не давала поводов. И не изменяла. У меня были мужчины. До него. Но после замужества, нет! Только он!

— Подожди! — Наталья сжала мой член и отогнула — Если он бил меня, за то, чего я не делала, а сейчас сделаю. С тобой. Это будет моя месть? Или он знал, что я это сделаю и поэтому бил?

— Он же бил тебя пьяный! И ты сказала, что из ревности! Какая месть? Он бил тебя за то, чего ты не делала! — я повторял её слова, но она внимательно слушала, сжимая и отгиная мой член!

Я хотел начать, но она, упираясь правой ручкой в мою грудь, повторила — Подожди! Если он бил меня, за то, чего я не делала, а сейчас сделаю. С тобой. Это будет моя месть? Или он знал, что я это сделаю и поэтому бил?

Я, чисто машинально, ответил теми же словами — Он же бил тебя пьяный! И ты сказала, что из ревности! Какая месть? Он бил тебя за то, чего ты не делала!

Но когда Наталья повторила, слово в слово, в третий раз, я догадался: переключило! В её головке сработал триггер самовнушения!

— Придётся насиловать! — сказал я вслух, разжал кулачок и прижал её руки.

Влагалище, уже пропотевшее, приняло меня, плотно обжимая!

Она извивалась подо мной, но не кричала и не пыталась сбросить!

Потом часто задышала — Аа! Аа! Аа!

Её пальчики впились в мои плечи, она протяжно выгнулась навстречу... расслабилась и затихла. Руки опали.

А у меня, ни в одном глазу!

Она подозрительно ровно засопела, я замер и всмотрелся в её лицо.

Наталья засыпала!

— Так не пойдёот! — возмутился я и слез с неё.

Перекатил её на живот, просунул руку и приподняв, поставил раком. Пристроился сзади, сжал бёдра и засунул в жопу!

Она что-то буркнула и опять затихла.

А я изливался!

Отпустил её бёдра, и она привалилась к стене.

Спит!

Я тормозил её, усаживая.

Наталья открыла глаза и зашарила рукой по лежаку.

Я помог ей одеться, и пока одевался сам, она стояла у обломка зеркала на стене, поправляла волосы и обтирала рот.

Мы вышли на улицу.

— Я провожу тебя

Она взяла меня под руку, и мы пошли к административному корпусу.

Минут через семь я вернулся, закрылся, зашёл в служебку и бухнулся на лежак.

Проснулся от звонка в ворота.

Восемь часов утра!

...

Чуть не забыл! Про лом!

Галя Порошенко, смесь татарочки с хохлушкой, пришла в цех молоденькой девчонкой, сразу

после окончания индустриального техникума.

Через два месяца, уже самостоятельно писала несложные техпроцессы.

В техбюро заскочил Владимир Павлович, и подойдя к Гале, положил на стол эскиз на тетрадном листочке.

— Что это, Владимир Павлович?

— Лом! Быстро: техпроцесс и в ПДБ. А я прослежу чтобы передали в БТЗ и на участок!

Он ушёл, а Галя взяла чистый бланк техпроцесса и написала:

— заготовительная: отрезать круг в размер по эскизу, с припуском 5 мм по диаметру, под токарную обработку;

— токарная — обработать по диаметру, как чисто, выдерживая размер чертежа;

— заточная — обработать и заточить жало. Перевернуть. Обработать и заточить пешню.

— термообработка — калить ТВЧ жало и пешню;

— покрытие — Хим. окс. прм.

Дата. Подпись.

Подклеила эскиз к техпроцессу и отнесла в ПДБ.

В ПДБ прочли техпроцесс и пошли в БТЗ, и нахохотались от души уже все вместе!

Через час, уже полцеха потешалось над Галиным техпроцессом.

Владимир Павлович случайно услышал, над чем смеются, выхватил бумаги и поднялся в техбюро.

Швырнул техпроцесс на стол Гале

— Это что?!

Галя удивлённо подняла глаза — Лом!

Владимир Павлович швыркнул носом, отодрал техпроцес от эскиза, скомкал и бросил на пол!

Двинул эскиз по столу — Пиши! Пиши прямо на эскизе!

— Кузнечная! Заготовки уже давно в кузнице! Кузнечная — сформировать жало с одного конца и пешню с другого. Точка! Закалить в горне жало и пешню. Точка!

— Распишись!

Галя расписалась.

Владимир Павлович взял эскиз с техпроцессом — Я сам отнесу!

Подобрал с пола скомканный Галин техпроцесс, развернул и положил на стол — Оставь! На память!

Улыбнулся и вышел.

* ПДБ — планово-диспетчерское бюро; БТЗ — бюро труда и зарплаты; ОТК — отдел технического контроля; ОГК — отдел главного конструктора; ОГТ — отдел главного технолога.

10.08.17